

Итак, одиннадцать лет спустя после первого визита французского балета в Советский Союз Москва вновь принимает труппу парижской «Гранд-опера». Редакция «Недели» была рада видеть за своим круглым столом крупнейших мастеров балета Франции и Советского Союза: главного хореографа Джона Тараса, приму-балерину Иветт Шовире, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Игоря Моисеева. Естественно, их беседа была посвящена теме, всегда волнующей каждого из них: героем круглого стола на сей раз был Танец.

Игорь МОИСЕЕВ: Замечу для начала, что я видел французский балет раньше не один раз, но теперь особенно заметно, как он развивается. Мы стали очевидцами своего рода «Ренессанса» в вашем коллективе. Показ ваших программ в Москве стал демонстрацией прогресса труппы. Сегодня это труппа, очень богатая исполнительски, разнообразная по индивидуальностям. Если раньше создавалось впечатление, что в центре забот ваших балетмейстеров всегда солисты, а кордебалет «предоставлен самому себе», то сейчас обращает на себя внимание очень хорошая строгая творческая дисциплина кордебалета. Замечу, что коллектив очень помолодел, и мы приветствуем это обновление, с интересом знакомимся с вашими новыми артистами, с удовлетворением убеждаемся в результативности ваших поисков.

Поиски, которые, видимо, интересуют французских хореографов, оказались интересными и для нас.

Нас и вас волнует немало общих проблем, важных для всего будущего хореографии. На меня особое впечатление произвел «Собор Парижской богородицы» в постановке Ролана Пти. Вот спектакль, который заставляет задуматься о понятии современности и наследия, новаторства и традиций. Нередко считается, что поиски современной хореографии целиком противоположны традиционному. Будто бы для того, чтобы создать балет абсолютно новый, надо забыть опыт и накопления прошлого, разрушить все, что существовало. «Собор Парижской богородицы» совсем по-другому, во многом близко к нашему пониманию решает эти вопросы. Здесь все — и чрезвычайно выразительная масса, и сольные партии, и характеры, и ситуации — является современным по форме, но по своей выразительности, по силе эмоционального накала, безусловно, базируется на опыте традиционного балета (ведь традиция — это не только и не столько техника или определенная лексика, но и необходимость реалистического раскрытия правды человеческих чувств, человеческих взаимоотношений).

Я думаю, что вопрос о соотношении традиционного и нового будет еще долго вызывать споры и впрямь, и думаю, что лучше всего спорить спектаклями, и чем больше будет таких экспериментов, как данный балет Ролана Пти, тем богаче будет опыт сегодняшней хореографии не только во Франции, но и во всем мире. Итак, повторю, главное в нынешнем показе вашей труппы — это ее заметное обновление.

Джон ТАРАС: Вы очень любезны, и мне отрадно, что вы заметили результаты нашей настойчивой работы. Да, мы действительно очень заботимся о дисциплине и требуем высшего профессионального уровня и от солистов, и от кордебалета. С артистов мы спрашиваем максимально. И если исполнителями умело, целесообразно управлять, если четко координировать всю деятельность труппы, можно от любого артиста (даже не самого яркого) добиться хорошего результата. Все дело в умении помогать, отказываться от устаревших методов и создавать условия, которые способствуют развитию каждого актера в отдельности, а в целом благотворно действуют на всю труппу. Мы переживаем сложный период, и сейчас наша требовательность особенно высока. Мы хотим располагать коллективом, которому доступно все богатство жанров балетного театра. Как этого добиваться, вы знаете не хуже меня.

Игорь МОИСЕЕВ: Но как вы нашли средство дисциплинировать именно кордебалет? Мне это особенно интересно. Как вы добились столь радикальных изменений?

Джон ТАРАС: Во-первых, мы стремимся полностью реорганизовать работу кордебалета, постараться предоставить максималь-

ное число репетиций так, чтобы спектакль уже не таил в себе никаких внезапных трудностей; а вы, вероятно, заметили, как насыщена роль кордебалета в том же «Соборе Парижской богородицы». Кроме того, имейте в виду, что та художественная дисциплина, на которую вы обратили внимание на сцене, рождена в классе. Усиленные занятия артистов кордебалета в классе — тоже очень важное обстоятельство их профессионального совершенствования. И очень важно, чтобы даже средний танцовщик стал энтузиастом общего дела. Тогда он будет хорошо работать.

Игорь МОИСЕЕВ: Я думаю, прежде всего надо их заинтересовать (знаю это по личному опыту). Если им будет интересно, будет

для любых самых смелых, самых современных, самых новаторских исканий.

Джон ТАРАС: Я знаю, что Россия хранит накопления прошлого. К сожалению, занятость гастрольными спектаклями не позволяет мне знакомиться с репертуаром ваших театров. Правда, мне удалось побывать в балетных классах в Ленинграде, и должен сказать, что очень впечатляет сила техники, сила танца, эта специфически русская особенность. Детали хореографического текста могут меняться, но эта сила остается.

Игорь МОИСЕЕВ: И французский балет — это очень сильный балет, сильный в своем владении техникой, сильный в своей чисто физической выносливости, сильный в своей экспрессии. В качестве примера сошлюсь опять на «Собор Парижской богородицы» и

узнать о вашей. Может быть, мадам Шовире, чье искусство так любимо нашими зрителями, расскажет о молодом поколении «Гранд-опера»? Существует ли у вас, мадам, какой-то особый метод воспитания исполнителей?

Иветт ШОВИРЕ: Какой метод? У меня нет особого метода или особых секретов. Ведь воспитание танцовщицы или танцовщика — это всегда творчество. Сначала я стараюсь внимательно, досконально изучить данные, возможности — природные или приобретенные в школе. Мне необходимо знать и самые сильные стороны, и самые уязвимые. На все это уходит некоторое время. Только тогда можно попытаться выявить индивидуальность исполнителя, отточить и упрочить технику, отшлифовать стиль, привить строгий художественный вкус. Я затрудняюсь назвать самых талантливых в нашей труппе — это и трудно, и ответственно, ведь их очень много и все они такие разные. Ноэль Пунтуа...

ИГОРЬ МОИСЕЕВ: Маленькая Пунтуа, да?

Иветт ШОВИРЕ: Да, она очень миниатюрная, но вместе с тем у нее очень яркая индивидуальность, она умеет быть эффектной и хорошо владеет профессией. Не могу не назвать Жаклин Рейе. У нее очень своеобразное сочетание особенностей. Она и романтична, и в то же время очень современна. Мне сложно определить, почему эти, казалось бы, противоположные качества так гармонично соединились в ее даровании. Посмотрите, как она чувствует модерн, танцует хореографию Бежара, и как благородна и нежна в классике. Это очень необычная балерина. Поэзия и искренность сочетаются у нее с какой-то странной замкнутостью. Я бы сказала, даже некоторой таинственностью. Еще одна совсем не похожая на тех, о ком мы уже говорили, — Вильфрид Пьолле. Вы ее видели в «Сюите в белом». Она очень грациозна, очень изящна.

Я думаю, что г-н Тарас, которому работает сейчас, отдавал свой опыт и свое время нашей труппе, может дополнить меня, ведь вопросы подготовки молодого исполнительского поколения — это и его забота. Но в заключение мне самой хочется назвать двух наших танцовщиц — Зюмбо, знакомую вам всем по московскому конкурсу, и совсем юную Шуре. Шуре исключительно точна, она женственна, хрупка и изящна. Зюмбо, напротив, обнаруживает в своих танцах зрелость, уверенность, склонность к виртуозности. А вместе они составляют прелестный контраст. Мы не менее богаты солистами. Могу назвать Пилетта, молодого танцовщика. Вы видели его в «Сюите в белом» и увидите еще в Пунтуа в «Дафнисе и Хлоэ». Он прелестен по своей индивидуальности, очень артистичен и очень чувствует все романтическое, чем отличается балетный спектакль... Во всяком случае каждому из наших молодых исполнителей мы даем максимум возможностей. Я думаю, что и г-н Тарас согласится с моим мнением.

Джон ТАРАС: Естественно, проблемы, связанные с воспитанием молодежи, очень важны. Вообще я не могу назвать вопросы современного балетного театра, которые были бы второстепенными, маловажными. У нас много проблем организационных и творческих. Мне кажется, что каждая национальная школа по-своему интересна, у каждой свои особенности. И взаимовлияние разных школ — это очень желательная и результативная вещь.

Игорь МОИСЕЕВ: Да, это безусловно так. Французская школа классического танца и классический балет в Советском Союзе, конечно, имеют свои индивидуальные и неповторимые особенности. Но что-то у нас общее, и поэтому наши контакты, которые имеют длительную многовековую историю, всегда желанны. Думаю, что всем нам интересно обогащать язык нашей хореографии, искать новые «слова» для выражения чувств и мыслей современного человека, находить новые движения, уметь говорить старым, непреходящим вещам по-новому. Вот почему мы радуемся различным формам общения с вами — от ваших спектаклей, проходящих с таким успехом, до нынешней встречи, организованной редакцией «Недели».

Репортаж с пресс-конференции вел

Е. ЛУЦКАЯ.

Фото В. Ахлмова.

Игорь Моисеев

Иветт Шовира

Джон Тарас

ДИАЛОГ О ТАНЦАХ

и дисциплина, и профессиональный рост, и, следовательно, успех у публики.

Джон ТАРАС: К уже сказанному здесь необходимо добавить, что мы показываем в своей поездке постановки нескольких хореографов, а каждый — самостоятельный творец, у каждого своя индивидуальность, свой почерк, все резко различны, и поэтому актер, который мог бы танцевать только «своего метра» и никого другого, оказался бы слишком ограниченным для наших требований. Естественно, мы стремимся, чтобы актер, имея свою манеру, мог также выражать индивидуальный почерк балетмейстера, а не только пассивно выполнять то или иное техническое задание. Вот мы говорили о традициях и о новом — это удивительно трудный вопрос. В какой-то момент классика становится для нас своего рода «музеем». Безусловно, всякая труппа должна сохранять классические шедевры и, как правило, это всегда большие балеты, многоактные. Но в то же время перед нами — постоянная необходимость экспериментировать, экспериментировать в поисках новой хореографии, новой современной музыки. И очень сложно найти правильную, удачную пропорцию между сохранением старого и накоплением нового в процессе этих экспериментов.

Игорь МОИСЕЕВ: Да, это нелегко. И мне кажется, что помогает здесь то, что классика — пусть видоизмененная, порой до неузнаваемости, пусть совершенно переосмысленная, с позиций философских, эстетических требований нашего времени, классика с ее опытом — все равно останется базой

вспомню великолепную работу Сириля Атанасова в роли Квазимодо.

Джон ТАРАС: Совершенно с вами согласен. Но вы преимущественно акцентируете внимание на работе Ролана Пти. Мне кажется, что здесь и солисты, и кордебалет, и вообще все компоненты спектакля на уровне истинной хореографии. Без них достигнутый эффект был бы невозможен.

Игорь МОИСЕЕВ: Ну, само собой разумеется. Конечно, это не только Пти (относительно для нас Ролан Пти стал «большим Роланом»), это все звенья спектакля. И, в частности, чудесная в своей образности музыка композитора Мориса Жарра, колоритные костюмы Ив Сен-Лорана. Всем им можно адресовать немало комплиментов. Но воля постановщика, талант постановщика сводят их усилия воедино, направляют их дарования к единой цели.

Джон ТАРАС: Ведете ли вы эксперименты по созданию нового репертуара?

Игорь МОИСЕЕВ: Да, конечно. Не так давно была создана труппа из тридцати шести человек, окончивших разные хореографические школы Советского Союза, — «Молодой балет». Несмотря на то, что руководить двумя коллективами очень сложно, стараюсь совмещать эту работу, потому что цели «Молодого балета» — создание абсолютно нового концертного хореографического репертуара — это важные цели. А недавние успешные гастроли юного коллектива в Австралии и Чехословакии подтверждают целесообразность этого эксперимента. Впрочем, мне хотелось бы сегодня меньше рассказывать о своей труппе и больше